

УДК 930.2:008(091)

РУНИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ

*С.Г. Кляшторный, кандидат исторических наук
(г. Санкт-Петербург)*

Одним из важнейших компонентов духовной культуры любого народа является его историческая память. Овладение письменной культурой, как правило, влечет за собой письменную фиксацию различных проявлений исторической памяти. С известными оговорками, касающимися неполноты письменного выражения собственной истории в любом архаическом социуме, зафиксированная историческая память определяет временную глубину самой культурной традиции. Вместе с тем именно в исторической памяти социума таятся в какой-то степени стертые и мифологизированные стереотипы, определяющие пути поиска истоков культурного наследия.

Наиболее важными памятниками древнетюркской культуры являются тюркские рунические памятники Монголии, Южной Сибири и Восточного Туркестана, памятники, обладающие двумя существенными для историка неоспоримыми достоинствами – авторитетностью и аутентичностью. Само руническое письмо было создано в тюркской среде не позднее VII в. н. э. либо на основе согдийской письменности, либо, что более вероятно, под влиянием согдийской письменности на основе собственного графического фонда (тамги), использованного для формирования знаковой системы, не лишенной идеографических включений¹.

Однако в какой мере рунические тексты являются носителями исторической памяти?

Уже в конце XIX – начале XX в. выдающиеся востоковеды своего вре-

мени, В.В. Бартольд и И. Маркварт, первыми исследовали с этой позиции тюркские памятники, выявили содержащуюся в них значительную долю историографической информации, сопоставили с иными группами источников, внешними по отношению к тюркской среде, и очень высоко оценили памятники как источник важных сведений, касающихся истории самих тюрков и созданных ими государств². Были четко определены три основные группы эпиграфических текстов, достаточно насыщенных историографической информацией. Это, прежде всего, собственно тюркские памятники Северной Монголии (орхонские памятники), затем немногочисленные тогда, в начале XX в., памятники уйгурской эпохи, найденные там же, где и тюркские, и, наконец, историографически наименее информативные из-за трудностей датирования и краткости енисейские памятники древних кыргызов.

Что касается рунических памятников из Восточного Туркестана, то они делятся на две группы: 1) несколько текстов на бумаге и 2) камнеписная и крайне лапидарная эпиграфика. Тексты на бумаге («Гадательная книга», сборник тюркских пословиц и мудрых речений, два деловых документа) не содержат элементов историографического содержания, но очень важны для понимания всего диапазона использования письменности в древнетюркской среде и общего уровня древнетюркской культуры³.

Начавшиеся в 60–70-е гг. прошлого века дискуссии о жанре орхонских и

енисейских памятников и их ценности как исторических источников так и не смогли поколебать уже сложившуюся высокую историографическую оценку рунических текстов (см. ниже). Более того, новые открытия древнетюркских памятников, связанные главным образом с полевыми исследованиями Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ, 1969–1990 гг.), принесли неожиданные результаты, касающиеся письменной фиксации исторической памяти у тюркских народов древности. Немало было сделано и в изучении енисейской эпиграфики.

Успехи изучения древнетюркской письменности к шестидесятым годам XX в. создали ощущение известной завершенности историографической обработки этой сравнительно небольшой группы текстов. Между тем именно сенсационные результаты начального периода выявили такие труднейшие аспекты историко-культурной оценки памятников, решение которых оказалось надолго отложенным.

Остановимся лишь на некоторых из возникших загадок и тех открытиях, которые способствовали их разрешению.

Тюркский каганат возник на территории Монголии в 551 г. и, распространившись к 576 г. от Хинганских гор до Керченского пролива, стал первой евразийской империей, просуществовавшей восемьдесят лет. Каганат был разрушен в 630 г., в период максимальной экспансии Танской империи, но через пятьдесят лет возродился и просуществовал еще пятьдесят лет. Все обнаруженные до недавнего времени на территории каганата памятники относились ко второму периоду его существования, к 20–30-м гг. VIII в. Следовало ли, исходя из этого факта, сделать вывод, что Первый каганат не знал ни письменности, ни историографической традиции? Что обычай устанавливать в поминальных комплексах тюркской знати стелы с историко-биографическими текстами возник лишь в

эпоху Второго каганата? Такой вывод делался. Приведем мнение выдающегося знатока тюркской археологии Л.Р. Кызласова, опубликованное им в 1965 г.: «Установка вертикальных стел с надписями (в курганах в рядах и одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками-тугю и другими племенами, входившими в Первый Тюркский каганат»⁴. И тогда никаких прямых доказательств иной альтернативы не было. А через три года была обнаружена стела с согдийским текстом, которую по месту находки я назвал Бугутской, стела, оказавшаяся частью погребального комплекса четвертого тюркского кагана Таспара⁵. По своему типу и содержанию, по литературному канону стела совершенно подобна появившимся через сто пятьдесят лет орхонским памятникам. Бугутская стела была установлена в 582 г. Среди событий, датированных по двенадцатилетнему циклу, там упомянуто и об учреждении в каганате буддийской сангхи. Более того, четвертая, разрушенная эрозией, сторона стелы, судя по нескольким сохранившимся знакам, содержала надпись на санскрите, выполненную письмом брахми скорее всего буддийским миссионером Чинагуптой, десять лет жившим при дворе кагана⁶.

Значимость открытия Бугутской надписи как первого известного памятника древнетюркской историографии в ряду подобных ему подтвердила недавняя дешифровка другой каганской эпитафии, также на согдийском языке, выбитой на задней стороне тюркского каменного изваяния, входившего в состав царского погребально-поминального комплекса, обнаруженного китайскими археологами еще в 1953 г. Это сооружение находится на берегу реки Текес, притока реки Или, в местности Монголхуре (Синьцзян), недалеко от границы Китая с Казахстаном. Идентифицировать и частично прочесть надпись удалось только в 1990-е гг., прежде всего усилиями японского ираниста Ютака Ёсиды. В

надписи 21 строка (столбец) текста, сохранившегося очень плохо. Памятник был установлен в память западно-тюркского Нири-кагана (в китайских источниках – Нили-кагана), погибшего в битвах с племенным союзом теле (огузов) в 603 г. Надпись содержит также упоминание деяний его предшественников, как это было показано и для Бугутской надписи. Доступными для историографической интерпретации фрагменты текста стали после тщательного исследования их в контексте иных источников, предпринятого Такаси Озавой и Этьеном де ла Васьером⁷.

Теперь несомненно, что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию, а идеологическая жизнь тюркского социума в VI в. отнюдь не была примитивной. Вместе с тем употребление здесь согдийского языка и письменности указывает, по крайней мере, на то, что великолепная культура и образованность Средней Азии были для тюрков явлением достаточно обычным и привычным.

Согдийский язык, *lingua franca* семириндских торговых трасс, прежде чем стать языком царских эпитафий, уже был языком каганской канцелярии. Во всяком случае, письмо, которое в 568 г. посол тюркского кагана, согдийский купец Маниах, привез в Константинополь императору Юстину II и огласил во время приема, было написано «скифскими письменами», то есть понятным для Маниаха согдийским письмом⁸.

Другая историко-культурная проблема связана с ареалом распространения тюркского рунического письма, использование которого для камнеписных надписей началось, по всей видимости, уже во второй половине VII в. (Чойрэнская стела)⁹. Почти все найденные к середине XX в. памятники концентрировались в центральных районах Северной Монголии и являлись составной частью княжеских

поминальных комплексов. Исходя из этого следовало бы признать, что письменная культура в Тюркском каганате была достоянием узкой аристократической группы, а территория ее распространения была очень ограничена.

Во время полевых работ в Монголии в 1970–1980-х гг. автор, имея в виду необходимость поиска бесспорных материалов для решения проблемы территориального распространения рунического письма, осуществил целенаправленные рекогносцировки в Хангайской горной стране, Хэнтэе, Монгольском и Гобийском Алтае, в котловине Больших озер и в Южном Гоби. В ходе рекогносцировок было установлено, что руническая письменность была распространена и активно использовалась во всей зоне обитания древнетюркских племен¹⁰. А отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительное число людей, владевших письмом и использовавших его в обыденной жизни. В сравнении с раннесредневековой Европой можно считать *mutatis mutandis* Тюркский каганат страной сплошной грамотности.

Орхонские рунические памятники первой трети VIII в. содержат, взаимно дополняя друг друга, связанное повествование о важнейших военных и политических событиях во Втором Тюркском каганате (689–744 гг.), рассказанных от имени крупнейших деятелей этого государства. Политическая тенденциозность каждого из таких повествований не только не снижает, а напротив, повышает ценность источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет легче увидеть конфликты и противоречия внутри каганата, чем это возможно при знакомстве с протокольным описанием «исторических происшествий» того времени в китайских анналах.

Следует более подробно остановиться на жанровой специфике орхонских памятников¹¹. Около пятидесяти

лет назад в советской тюркологии возникла дискуссия по поводу историографической составляющей орхонских надписей, связанная с попыткой атрибутировать их как историко-героические поэмы, созданные в традициях героического (дружинного) эпоса. Хотя с резкой критикой последней точки зрения тогда выступил акад. В.М. Жирмунский, попытки «фольклоризации» памятников получили довольно широкое распространение и продолжают по сей день.

В этой связи хотелось бы, конечно, очень бегло коснуться вопроса о том, что давало повод характеризовать памятники как фольклорное произведение?¹²

Отметим, прежде всего, стилистическую близость использованных в памятниках литературных приемов к повествовательным приемам, сохранившихся в эпических сказаниях тюркских народов. Особенно заметно сходство устойчивых традиционных формул при описании боевых подвигов героев эпоса и героев надписей, хотя, в последнем случае, без свойственной эпосу чрезмерной гиперболизации. Здесь следует отметить, повторяя К.В. Чистова, что «духовная культура архаического типа еще не знает нефольклорных форм, связанных с языком»¹³.

Хотя весь пафос, вся структура изложения орхонских надписей подчинены и посвящены делам и людям, их мыслям и устремлениям, автор текста не может игнорировать фольклорные мотивы и стилистические приемы, свойственные «картине мира», сложившейся в его, автора, культурной среде. Никакого свойственного эпосу глубокого отрыва от настоящего времени в памятниках нет. В этой связи нелишне напомнить блестящее определение М.М. Бахтиным эпической диахронии: «Мир эпопеи – национальное героическое прошлое, мир “начал” и “вершин” национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир “первых” и “лучших”. Дело не в том,

что прошлое является содержанием эпопеи. Отнесенность изображаемого мира в прошлое, причастность его к прошлому – конституативная формальная черта эпопеи как жанра»¹⁴.

Между тем орхонские надписи повествуют о подтвержденных другими источниками реальных событиях – сражениях, восстаниях, походах, сменах правителей, точно датированных по годам и месяцам жизни их героев или, иногда, по годам 12-летнего «животного цикла».

Тем не менее, пока и поскольку орхонские памятники до последнего времени оставались древнейшими текстами, фиксировавшими весьма многослойную письменную традицию тюрков, пока и поскольку поиск аналогов выводил исследователей за рамки имманентной для древней Центральной Азии культурной среды, парадоксальные оценки находили известное оправдание в стремлении увязать первые проявления литературной деятельности с гипотетически реконструированным фольклорным миром той отдаленной эпохи. Реконструкция, впрочем, была осуществлена простейшим образом – в прошлое опрокинуто исторически недавнее эпическое наследие современных тюркских народов.

Здесь следует вновь вернуться к Бугутской стеле. Все последствия открытия Бугутского памятника для изучения древнетюркской культуры оценены еще не в должной мере, но определилось основное – по структуре и сюжетам, по политической публицистичности и историографическому фону актуального изложения Бугутская надпись мало чем отличается от позднейших, орхонских надписей и является их прообразом. И ее стиль, и ее содержание свидетельствуют об определяющем влиянии на создателей памятника преломленной через иранское посредство восточноазиатской историко-политической традиции «монументальной пропаганды», породившей значительную, в том числе

камнеписную, литературу в Северной Индии, Афганистане, Средней Азии, Восточном Туркестане, застенном Китае, Корее и Монголии¹⁵. Литературная и языковая специфика каждого региона не уничтожала общих черт, порожденных культурно-исторической близостью различных частей этого взаимосвязанного мира, прошитого нитями торговых путей и военных маршрутов, потоками переселенцев и тропами пилигримов. Вростание центральноазиатских тюрков в своеобразную и синкретическую культуру Сериндии относят обычно к становлению Уйгурского государства в Таримском бассейне (IX–X вв.). Как оказалось, начало было положено много раньше.

Обратимся теперь к другой группе текстов, к памятникам Уйгурского каганата. До 60-х гг. XX в. их было известно всего два – трехязычная Карабалгасунская стела с почти полностью разрушенным тюркским текстом, и надпись из Могойн Шине-Усу. В ходе работ СМИКЭ были открыты еще три крупных памятника разной степени сохранности¹⁶. Какова их историографическая составляющая?

Две стелы, открытые в Хангайской горной стране, были названы мной по долинам рек, где были установлены, Терхинской и Тэсинской. Они были сооружены в 753 и 762 гг.¹⁷ Историографические разделы обеих надписей, судя по сохранившейся части, достаточно близки по содержанию и главная идея этих разделов казалась бы парадоксальна – уйгурские каганы восьмого века, правившие в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огуру-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, Элетмиш Бильге и Бёгю, которым посвящено повествование, сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камнях декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль – кочевую империю, и

они осудили тех, кто разрушал Эль в междоусобных и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушения Элей, включая события более чем двухсотлетней давности. В начальных строках их повествования история слилась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках. Время повествования определяется упоминанием общего кагана тюрков и огузов, Бумына, т.е. серединой VI в., а пространство событий – вся евразийская степь.

Ключевое слово в Тэсинской надписи – термин *бузук*. Сохраненное позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен – *бузуков* и *учуков*, как теперь ясно, восходит к глубокой древности¹⁸. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус племенных вождей учуков¹⁹.

И хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т.е. к западному крылу огуру-огузских племен. Обстоятельство тем более важное, что в позднейшей огузской традиции конца I – первой половины II тысячелетий берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же как *сиры* (*сеяньто* китайских хроник), они выпали из огузских объединений и создали собственные имперские структуры примерно в одно и то же время (сиры – в 630–647 гг.).

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Бумын-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркско-го эля место бузуков занимали десять

тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем²⁰. После распада каганата на восточную и западную части деление на бузуков и учуков в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганатах сменилось делением на *тёлисов* и *тардушей*, восточное и западное крылья, которые вместе с каганским центром-ставкой (*орду*) формировали военно-административную структуру Эля. В Западно-тюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура – деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю возлагается на бузуков – вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой распре пострадали западные огузы-огуры и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена – вождя берсилов Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить, прежде всего, место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в той политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие, и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Основная трудность, с которой сталкивается историк, интерпретирующий енисейские надписи, – проблемы абсолютной датировки и выявление связей с историческим контекстом описываемых в надписях событий. Их несомненная связь с обрядовым фольклором делает еще более сложным выявление далеко не частых фрагментов, содержащих бесценные зерна историографической информации²¹.

Прорыв обозначился лишь после того, как мне удалось достаточно достоверно датировать две надписи

с Алтын-кёля, доказав, что мемориант одной из них – кыргызский каган Барс-бег, погибший зимой 710–711 гг. Так же датируется вторая надпись Алтын-кёля²². Примерно тем же временем датируется надпись именитого военачальника Чабыш Тон-таркана, которого Барс-бег, незадолго до своей гибели, отправил за поддержкой к Кара-хану, т.е. к тюркешскому кагану (надпись Уйбат I)²³.

О тех же событиях повествует еще одна енисейская эпитафия (Кызыл Чираа I). Гибель ее героя, имя которого не сохранилось, случилась в сражении с войском Бег-чора. Но Бег-чор – это «мужское (воинское) имя» (*er aty*) Капаган-кагана. Китайские династийные хроники так и называют этого кагана – *Мо-чжо*, т.е. Бег-чор. А в последней строке надписи мемориант оплакивает не свою кончину, а гибель своего старшего брата, хана кыргызов, т.е. Барс-бега. Назван даже возраст Барс-бега – сорок два года. Напомним, что в эпитафии самого Барс-бега (Алтын-кель I) рассказывается о четырех «высокородных братьях», которых «разлучил Эрклиг», бог подземного мира.

Другие особо значимые надписи относятся к совсем иной эпохе, к эпохе мощного взлета кыргызской государственности и доминирующей роли кыргызов в Центральной Азии. Прошло сто тридцать лет с момента гибели Барс-бега и сто лет со времени краха Тюркского каганата, когда окрепшее Кыргызское государство сокрушило в 840 г. прежнего гегемона степей – Уйгурский каганат. Созданная кыргызами империя простиралась тогда от Ангары и Байкала до Алтая и Семиречья, от сибирской тайги до Великой Китайской стены²⁴.

Овладев Северной и Северо-Западной Монголией, основной территорией уйгуров, кыргызы на этом не остановились. Их власть распространилась на Алтай – в одной из надписей (Уюк-Оорзак III) упомянут кыргызский правитель нового юрта – ябгу Алтая. Но самое интересное сообщение содержит

надпись с реки Бере, правого притока Бий-хема. Ее герой, именуемый не собственным именем, а титулом – *ич-реки*, т.е. «доверенное лицо» Тёр-апа, рассказывает в своем посмертном повествовании: «В мои пятнадцать лет я ходил на китайского хана. Благодаря моей доблести мужа-воина, своим героизмом я захватил золото и серебро, верблюдов и жен!». Умирая в возрасте 67-ми лет, мемориант скорбит о разлуке со своей супругой, которую взял в свои 15 лет, т.е. во время китайского похода. Это повествование осталось бы изолированным и непонятым, если бы не другие, на первый взгляд не связанные с китайским походом, сообщения.

До недавнего времени единственным памятником «кыргызского великодержавия» в Центральной Азии (840–918 гг.) считалась открытая в начале века Суджинская надпись²⁵. Она написана неким «сыном кыргыза» Бойла Кутлуг-ярганом, участником победы над уйгурами. В первой строке надписи упомянут Яглакар-хан, которого первоначально посчитали за хана кыргызов и прообраз эпического героя Манаса. Однако же, как было установлено, Яглакары – уйгурская ханская династия и в Суджинской надписи рассказано об ее изгнании и гибели. Между тем в 1975 г. мною была открыта в Северо-Западной Монголии, на р. Тэс, наскальная надпись, принадлежащая кыргызскому военачальнику Тёпек Алп Солу²⁶. Удалось установить, что Алп Сол несколько раз упоминается в синхронных китайских документах, содержащих отчет о событиях в Центральной Азии в 842 г. Именно Алп Сол руководил кыргызскими отрядами, вторгшимися в китайскую провинцию Ганьсу и в государства-оазисы Восточного Притяньшанья, вел переговоры с китайским министром в пограничной крепости Тяньдэ, а в 843 г. возглавил кыргызское посольство к императорскому двору, в столицу Китая и возвратился с богатыми дарами.

Теперь можно утверждать, что единственный за всю историю кыр-

гызом «Великий поход» в китайские владения состоялся в 842–843 гг., на заре «кыргызского великодержавия» и возглавлял его кыргызский военачальник Алп Сол, чьи земельные владения были на Алтае и в Туве. Прошло много столетий, но тот поход не забылся – он наложился на многие другие события, его герой получил у алтайских кыргызов иное имя – Алп Манаш, и когда в XVI в. кыргызы с Алтая переселились на Тянь-Шань, сказание о Великом походе и его главном герое Манасе превратилось на новой родине в грандиозный народный эпос, вобравший в себя память о многих веках нелегкой истории кыргызского племени.

Итак, первыми памятниками тюркской письменности стали камнеписные эпиграфические тексты. Однако эпиграфами крупнейшие из этих текстов являлись только по первому целевому назначению. Не менее важной для их авторов была иная цель – восстановив событийный ряд, связанный с успешным героем, оплакав и прославив его в безудержном панегирике, изложив свою политическую и этическую оценку событий, сформулировать, прямо или косвенно, свое социальное кредо и свою политическую философию, убедить «слушателей» в безусловной и безупречной правдивости и правильности своих утверждений и своих оценок.

Насколько явственно проявлено в крупнейших рунических памятниках авторское начало?

Обычно в древнетюркских рунических памятниках повествование ведется либо от лица покойного героя надписи, либо оно анонимно. И в том, и в другом случае подлинный творец текста никак не проявляет осознание своей роли в его создании, не обозначает своего авторства.

Однако три случая из множества других показывают, что фольклорная традиция неосознанного авторства уже не была всеобщей – речь идет о памятнике Тоньюкука, двух Кошо-Цайдамских текстах (надписи в честь

Кюль-тегина и Бильге-кагана) и надписи в честь Кули-чора²⁷.

Пространная надпись Тоньюкука (62 строки длиной в 160–170 см) написана от лица самого героя, но не им самим – в 58-й строке сообщается, что надпись написана по приказу Тоньюкука: «Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать [эту надпись] для государства тюркского Бильге-кагана». Но стиль надписи отнюдь не эпитафийный – это яркий литературный текст, полный нескрываемых полемических суждений, диалогов, притч и поговорок. Само повествование столь эмоционально и непринужденно, столь явно приближается к родившемуся через много веков жанру автобиографии, что делает наиболее вероятным предположение о фиксации в тексте подлинной речи самого Тоньюкука.

Большая часть повествования в обоих Кошо-Цайдамских памятниках ведется от имени Бильге-кагана и в надписях несколько раз подчеркнута заявлено, что все сказанное и записанное – его «подлинная речь», которую высекли на камне китайские резчики. Но трижды в надписи Кюль-тегина и один раз – в надписи Бильге-кагана названо другое имя творца надписей: «Столько много надписей написавший я, племянник Кюль-тегина, Йоллыг-тегин, это написал. Двадцать дней просидев (за работой), на этот камень (это) все я, Йоллыг-тегин, написал» (памятник в честь Кюль-тегина). «Надпись Бильге-кагану, я, Йоллыг-тегин, написал... Я, племянник тюркского Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, проведя (за работой) месяц и четыре дня, покрыл надписями и украсил» (памятник в честь Бильге-кагана).

Член каганского рода и его герольд, Йоллыг-тегин был, как он сам заявляет, автором многих надписей, пожалуй, первым известным нам по имени писателем, писавшим на тюркском языке. Это он своей рукой нанес на камень (процарапал или написал тушью) текст надписей, высеченный затем китайскими резчиками. Ему принадлежа-

ли также не сохранившиеся надписи на стенах заупокойных храмов. Несомненно, что памятник как литературное произведение и образец древнетюркской письменности был написан им. Однако вряд ли стоит преувеличивать самостоятельность политического мышления Йоллыг-тегина и приписывать исключительно ему разработку тех политических взглядов, которые отражены в памятниках. Йоллыг-тегин писал то, что соответствовало мыслям, словам и действиям его сюзерена и родича – Бильге-кагана; недаром все политические формулировки изложены от лица Бильге-кагана, с указанием, что резчики не исказили его «речи».

Кошо-Цайдамские надписи являются крупнейшими памятниками древнетюркской рунической письменности. Их значение для древнетюркской филологии и истории невозможно преувеличить. Наблюдения, сделанные при изучении этих двух текстов, давно уже стали нормативными, а сами памятники превратились в своеобразные эталоны, с которыми сравнивают чуть ли не все другие рунические надписи.

Третий случай самообозначения автора камнеписного текста отмечен в надписи в честь Кули-чора (надпись из Ихе Хушоту): «Я, Бинтир, столько много надписей написал и о том, чего я сам не знал, и о том, что я сам знал и помнил. Надпись Кули-чору я (тоже) написал». Автор надписи ссылается на какую-то информацию, устную или письменную, о событиях, которые он не знал или не помнил. Такого рода констатация пока единственная в древнетюркских текстах, и она, возможно, свидетельствует о наличии историографической традиции и о существовании людей, которые эту традицию сохраняли.

Очевидно, что в трех отмеченных случаях проявилось разное ощущение или осознание авторства. Это осознание никак не связано исключительно с реальным начертанием (вырезанием или иным обозначением) знаков письма, но оно прямо касается процесса

создания текста. Тоньюкук диктует исполнителю (резчику?) свою речь, насыщенную экспрессивными и полемическими оборотами, создающими неповторимый стиль изложения, и, по существу, является единственным творцом текста.

Йоллыг-тегин долго и тщательно готовит текст для резчика-исполнителя, сам его наносит на поверхность стелы, не врезая в камень, сам украшает стелу некоторыми символами-рисунками. Он пишет о себе как о создателе текста, указывая даже количество затраченных дней. И, однако, считает главным в своей работе точную передачу «сердечной речи» своего сородича и сюзерена Бильге-кагана.

Не исключено, что политическая философия Бильге-кагана если не ментально, то вербально и литературно формируется именно Йоллыг-тегином, а его заявление о своем немалом и долгом труде над текстом прозрачно

свидетельствует о его собственном авторском вкладе.

И совершенно осознанно и недвусмысленно заявляет о своем авторстве профессиональный панегирист-историограф, подвизавшийся при дворе Кули-чора Тардушского. Возможно, Бинтир – типологически знаковая фигура древнетюркского придворного интеллектуала, одного из тех грамотеев, чьими усилиями создавались и поддерживались полуполюгендарные представления о героях минувших поколений и формировались образы участников актуальных коллизий. Этот сложный сплав соперничающих повествований и оценок отдаленного и недавнего прошлого, запечатленный на фоне жестких межклановых, политических, военных и социальных столкновений, имперских амбиций и сепаратистских устремлений, делал авторов древнетюркских эпитафий глашатаями и судьями их мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лившиц В.А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. – Баку, 1978. – № 4. – С. 84–98; *Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М., 2009. – С. 146–176.

² Подробнее об изучении древнетюркских рунических памятников и их историографической оценке в специальной литературе см.: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – С. 5–17; *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 37–70.

³ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб., 2010. – С. 276–321.

⁴ *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. – Москва, 1965. – № 3. – С. 43.

⁵ *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение) / Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969. С. 51–55; *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. X. М., 1971. С. 121–146; *Klyashtornyj S., Livshic V.* The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungarica. Budapest, 1972. T. XXVI. – С. 63–102.

⁶ *Bazin L.* Turcs et Sogdiens: les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie) // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. Paris, 1975. – С. 42.

⁷ *Osawa, Takashi.* Aspects of relationship between the ancient Turks and Sogdians. Based on the stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // Eran and Aneran. Studies presented to Boris Marshak on the occasion of his 70th birthday. Venice, 2006. P. 471–504; *Vassière, E. de la.* Maurice et le qaghan. A propos de la digression de Théophylacte Simocatta sur les Turcs // Revue des études Byzantines. T. 68. Paris, 2010. – P. 219–224.

⁸ *Дестунис С.* Византийские историки. СПб., 1880. С. 374; *Dobrovits M.* The Altaic world through Byzantine eyes: some remarks on the historical circumstances of Zemarchus' journey to the Turks (AD 569–570) // *Acta Orientalia Hungarica*. Vol. 64. 2011. – С. 382.

⁹ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэнэ // *Страны и народы Востока*. М., 1980. Т. XXIII. С. 90–102; *Кормушин И.В.* Новое в чтении и толковании Чойрэнэской рунической надписи конца VII в. из Монголии // *Тюркологический сборник 2009–2010*. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. – М., 2011. – С. 2502–213.

¹⁰ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии. Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыты-хад, Хэнтэй // *Тюркологический сборник 1975*. М., 1978. – С. 151–158; *Klyashornyj S.G., Tryjarski E.* An improved edition of the Arkhanen inscription // *Rocznik Orientalistyczny*. Т. XLVII. 1990. – С. 65–68.

¹¹ Подробнее см.: *Рухлядев Д.В.* Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников // *Тюркологический сборник. 2003–2004*. Тюркские народы в древности и средневековье. – М., 2005. – С. 208–253.

¹² Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // *Восток*. – 1992. – № 5. – С. 5–17.

¹³ *Чистов К.В.* Фольклор и культура этноса // *Советская этнография*. – М., 1979. – № 4. – С. 5.

¹⁴ *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 456–457.

¹⁵ См., например: *Gabain A. von.* Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt, 1979. – С. 33–34.

¹⁶ *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Сэврэйский камень // *Советская тюркология*, 1971, № 3. С. 106–112; *Klyashornyj S., Livshits V.* Une inscription inédite torque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale) // *Journal Asiatique*. Т. 259, 1972. – С. 11–20; *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // *Советская тюркология*, 1980. – № 3. – С. 82–95; *Klyashornyj S.* The Terkhin inscription // *Acta Orientalia Hungarica*. Т. XXXVI, fasc. 1–3, 1983. С. 335–366; *Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела. Предварительная публикация // *Советская тюркология*, 1983. – № 6. – С. 76–90; *Klyashornyj S.* The Tes inscription of the Uigur Bögü Qaghan // *Acta Orientalia Hungarica*. –Т. 39. 1985, fasc. 1. – С. 137–156; *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-западной Монголии // *Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства*. – М.: Наука, 1987. – С. 19–37.

¹⁷ *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб., 2010. – С. 27–101.

¹⁸ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар / *Хазары*. Иерусалим – Москва, 2005. – С. 259–264.

¹⁹ О бузуках и учуках у средневековых туркмен см.: *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. – С. 103.

²⁰ *Klyashorny S.G.* The royal clan of the Turks and the problem of early Turkic-Iranian contacts // *Acta Orientalia Hungarica*. Т. XLVII. 1994. – С. 445–447.

²¹ Подробнее см.: *Рухлядев Д.В.* О жанре енисейских рунических памятников // *Тюркологический сборник 2006*. – М., 2007. – С. 274–295.

²² *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л., 1976. – С. 258–267.

²³ Тексты упомянутых енисейских надписей см.: *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М. –Л., 1952; *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М., 1997.

²⁴ *Dompp M.R.* The Yenisei Kyrgyz from early time to the Mongol conquest / *The Turks*. I. Early ages. Ankara, 2002. – С. 480–488; *Дробышев Ю.И.* Кыргызы в Центральной Азии (IX в.) // *Восток*. – 2010. – № 6. – С. 102–109.

²⁵ *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // *Проблемы востоковедения*. – 1959. – № 5. – С. 162–169.

²⁶ *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006. – С. 344–348.

²⁷ Подробнее об этих памятниках см.: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 44–77.

Аннотация

Каменные стелы, написанные на согдийском и тюркском языках (эпитафии тюркских и уйгурских каганов и их соратников VI–IX вв., найденные в Монголии, а также енисейские надписи), являются древнейшими памятниками древней тюркской письменности и наиболее важным источником для истории тюркских и уйгурских каганатов (551–840), а также для Енисейского Кыргызского государства (VIII–IX вв.). В статье рассматриваются жанровые особенности этих текстов и даются историографические оценки их содержания.

Ключевые слова: руническое письмо, Тюркский каганат, уйгуры, енисейские кыргызы, эпитафийные памятники, Центральная Азия.

Summary

The stone tablets (stelae) written in Sogdian and Turkic languages (epitaphs of Turkic and Uigur qagans and their companions of VI–IX cc., found in Mongolia, as well as the Yenisei inscriptions) are the oldest monuments of ancient Turkic written culture and the most important sources for history of Turkic and Uigur qaganates (551–840), as also the Yenisei Kyrgyz state (VIII–IX cc.). The article examines the genre peculiarities of these texts, and gives a historiographic estimate of their contents.

Keywords: Runic script, Turkic qaganates, Uigurs, Yenisei Kyrgyzes, epitaphial monuments, Central Asia.